

*М. В. Винарский, М. Б. Конашев**

АМБИВАЛЕНТНЫЙ ГЕНИЙ: О МЕТАМОРФОЗАХ ДАРВИНИЗМА НА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЧВЕ

В статье представлен краткий обзор основных особенностей, характеризовавших восприятие и развитие эволюционной теории Ч. Дарвина в дореволюционной России и в советский период. Показано, что отношение к английскому ученому и его взглядам определялось не только научным содержанием дарвинизма как теории, но и помещением его в контекст специфической для отечественной культуры дихотомии «Запад (Европа) — Восток (Россия)». Вплоть до середины 1960-х гг. отношение к Дарвину и дарвинизму в нашей стране оставалось в значительной степени идеологически мотивированным, что вызвало ярко выраженную амбивалентность в восприятии эволюционизма в России и СССР. Только после того, как в СССР завершилось господство в биологии т. н. «мичуринской биологии» (лысенкоизма), споры о теории Дарвина стали вестись вне какого-либо идеологического контекста, по крайней мере, в научном биологическом сообществе.

Ключевые слова: Дарвин, дарвинизм, рецепция, русская философия, лысенкоизм

Vinarski M. V., Konashev M. B.

THE AMBIVALENT GENIUS: ON THE METAMORPHOSES OF DARWINISM IN RUSSIA

The article gives a brief overview of main peculiarities that have characterized the reception and development of Charles Darwin's evolutionary theory in Russia (prior to 1917) and in the Soviet Union. It is shown that the attitudes of the English biologist and his theory were defined not only by the scientific content of Darwinism but also by its placement into the context of a specifically Russian dichotomy: «West (Europe) — East (Russia)». Until the

* Винарский Максим Викторович, доктор биологических наук, доцент, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук; radix.vinarski@gmail.com

Конашев Михаил Борисович, доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук; mbkonashev@mail.ru

mid-1960s, the attitude towards Darwin and Darwinism in our country remained largely ideologically motivated, which caused a pronounced ambivalence in the perception of evolutionism in Russia and in the USSR. Only after the collapse of the so-called «Michurinist biology» (Lysenkoism) in the USSR, the debates about Darwin's theory began to be conducted outside any ideological context, at least in the scientific biological community.

Keywords: Darwin, Darwinism, reception, Russian philosophy, Lysenkoism

Эволюционная теория Ч. Дарвина, в полном виде впервые обнародованная в 1859 г., быстро распространилась по всей Европе. Уже спустя пять лет после выхода «Происхождения видов» его текст был доступен на шести языках, включая русский [50]. Первый русский перевод, выполненный ботаником С. А. Рачинским, вышел в свет в начале 1864 г. [55]. Истории рецепции дарвинизма в различных странах мира посвящена обширная литература, включая ряд обобщающих коллективных монографий [45–47]. Давно отмечены национальные различия в восприятии как самого дарвинизма, так и личности его творца, в отдельных странах. Так, для биологов Франции было характерно весьма прохладное отношение к новой теории, которое ощущалось вплоть до 1970-х гг. [48, p. 47]. В качестве главной причины этого называлось традиционное соперничество Франции и Англии, в том числе и в области науки. Французы предпочитали своих национальных биологических гениев Ж. Кювье и Ж. Б. Ламарка. Примечательно, что в другой европейской католической стране, Италии, ничего подобного не было, и сами итальянские ученые объясняли это тем, что у них не было «синдрома Кювье» [46, p. 408].

Восприятие теории Дарвина в России также характеризовалось рядом специфических особенностей [5, 7, 21]. Как и в других европейских странах, полемика вокруг новой теории часто велась не только и не столько с научных позиций. На отечественной почве неоднократно воспроизводились известные из западноевропейской полемической литературы [44] возражения против дарвинизма как «атеистической» теории, ведущей к распаду общественной морали и социальных устоев. Подобные мнения высказывали отнюдь не только теологи. Можно сослаться, к примеру, на профессора зоологии Московского университета А. А. Тихомирова, видевшего в дарвинизме «безумную борьбу» с христианским мирозерцанием, отрицание «предустановленного порядка», которое необходимо как можно скорее «искоренить» [цит. по: 17, с. 46–47]. В те же самые годы, другие русские биологи, в том числе и профессора Московского и Санкт-Петербургского университетов (К. А. Тимирязев, А. О. Ковалевский, М. Н. Мензбир, В. М. Шимкевич), выступали в качестве защитников и пропагандистов дарвинизма, составляя серьёзную оппозицию нападкам на него. Прямые параллели этой интеллектуальной борьбе можно было найти и в других государствах Европы.

Но характерно российской чертой в восприятии Дарвина и дарвинизма, по нашему мнению, было то, что споры вокруг этой теории велись также и в парадигме дуалистического восприятия мира как противопоставления «Запада» и «Востока» (читай — России), причем расстановка акцентов в этих дебатах была прямо полярной, зависящей не только от научной позиции спорщиков, но и от их личных склонностей, философских взглядов и «убеждений чувства».

В этой небольшой статье мы пытаемся проиллюстрировать конкретными примерами тезис о крайней амбивалентности рецепции дарвинизма на российской почве, которую можно проследить на протяжении всего первого столетия существования этой научной теории.

Как современники, так и позднейшие исследователи многократно отмечали глубокую двойственность мировоззрения, характерную для дореволюционной, а затем и советской, интеллигенции (само собой, здесь надо говорить о преобладающем в этой социальной группе умонастроении, из которого было множество индивидуальных исключений), воспринимавшей социальную действительность как поле борьбы противоположных и непримиримых начал, между которыми не может быть промежуточных степеней и переходов. Эти начала почти всегда были ценностно маркированы, как истинное и ложное, прогрессивное и реакционное, передовое и отсталое, что сказывалось не только во взглядах русских интеллектуалов, но и в их гражданской позиции и даже в бытовом поведении. В образной форме это выразил Н. А. Бердяев, писавший, что «...у нас обыкновенно или прикладывались к ручке высокого духовного лица и холопствовали перед ним так, как он холопствовал перед русским правительством, или не считали возможным пребывать с ним в одной комнате...» [3, с. 138]. Современный исследователь русской культуры конца XIX в. пишет о свойственном ей «дуалистическом восприятии общества как разделенного на «подполье» и легальную Россию, «прогрессивную общественность» и консерваторов, власть и народ и т. д.» [31, с. 51].

Дуалистичность пронизывала русскую историософию и «ментальную карту мира», «полюсами» которой выступали Восток и Запад, Россия и Европа. В 1860-е гг. дарвинизм попал на русскую почву не как изолированное явление, а как часть мощного потока новых интеллектуальных идей, шедших с Запада и оказывавших глубокое влияние прежде всего на молодежь. Позитивное отношение к Дарвину и его теории могло выступать как индикатор групповой идентичности, как верный признак «прогрессивности» мировоззрения. Феномен русского нигилизма общеизвестен, как общеизвестно и увлечение нигилистов «позитивными науками», в том числе, конечно же, и биологией. При этом в радикальных кругах дарвинизм воспринимался не только как научная теория, но и как новый взгляд на мир, оправдывающий революционную ломку социальной действительности, а также борьбу с «предрассудками». Русские интерпретаторы Дарвина «слева» вычитывали в его трудах то, что им было нужно, смело расставляя акценты по-новому и выдвигая на первый план отдельные компоненты нового учения, например, как это было в случае Д. И. Писарева, борьбу за существование. В своей знаменитой статье, излагавшей основы дарвинизма («Прогресс в мире животных и растений»; 1864 г.), Писарев утверждал, что «органическая жизнь есть вечная борьба между живыми существами, и каждая органическая форма стесняется в своем размножении всеми остальными формами». Она «не может прекратиться ни на одно мгновение, потому что каждый шаг в жизни есть акт борьбы» [35, с. 35]. Писарев вовсе не позиционировал себя как ученого-биолога, цель его писаний и их аудитория были совсем другими. Он обращался к самым широким слоям образованных читателей:

Для нас, для простых и темных людей, открытия Дарвина драгоценны и важны именно тем, что они так обаятельно просты и понятны; они не только обогащают нас новым знанием, но они освежают весь строй наших идей и раздвигают во все стороны наш умственный горизонт. <...> Я совсем не хочу, чтобы вы по моим статьям учились естествознанию; я хочу только, чтобы мои статьи шевелили вашу любознательность, доводили до вашего сведения слабый отголосок великих движений европейской мысли и разгоняли хоть немного вашу умственную дремоту [35, с. 13, 132].

Для Писарева была важна апология борьбы, которую он, интерпретируя Дарвина, считал основным природным законом, «принципом прогресса», видя в ней, возможно, научное обоснование своих социальных взглядов, выраженных в «манифесте нигилизма» — статье «Схоластика XIX в.» [25, с. 114]. Сам же Дарвин подчеркивал, что термин «борьба за существование» — не более, чем метафора, и он далеко не всегда подразумевает кровавую схватку. Напротив, во множестве случаев эта «борьба» протекает мирно и незаметно, например, в форме «тихой» конкуренции растений за свет или воду или борьбе животных не друг с другом, а за выживание в суровых климатических условиях. На страницах «Происхождения видов» Дарвин утешал читателей и себя самого, утверждая, что в природе борьба за существование идет не постоянно, а с перерывами, и что при этом «не испытывается никакого страха, что смерть обыкновенно разит быстро и что сильные, здоровые и счастливые выживают и множатся» [10, с. 77].

По оценке Э. И. Колчинского, «задолго до революции дарвинизм стал важнейшим компонентом мировоззрения русской интеллигенции» [18, с. 66]. Н. А. Бердяев считал, что в возникшем в России интеллигентском культе Дарвина произошло «переключение религиозной энергии на нерелигиозные предметы». Это была та же самая религиозная вера, только «вывернутая наизнанку» [4, с. 19]. По его мнению, русская интеллигенция увидела в учении Дарвина не ещё одну научную теорию, подлежащую проверке и коррекции, а абсолютную истину, которую надлежит принимать целиком, без скепсиса и сомнений. Бердяев ссылается при этом на пресловутую «русскую душу», загадочную и иррациональную, которая непременно требует тотальности, законченности мировоззрения.

В доказательство такого восприятия интеллигенцией теории Дарвина можно привести много исторических свидетельств. Вот что писал в своих мемуарах зоолог и эмбриолог К. Н. Давыдов:

Необходимо отметить, что теория Дарвина особенно сильное впечатление произвела именно в России, где она нашла для себя хорошо подготовленную почву <...> В значительной степени своей популярностью дарвинизм обязан у нас Писареву, замечательная статья которого «Прогресс в мире животных и растений» (одно из лучших общедоступных изложений учения Дарвина во всей мировой литературе) произвела большое впечатление в образованных кругах России. Нечего и говорить о рядовой молодежи, для которой эта статья являлась настоящим откровением [8, с. 333].

Религиозный термин «откровение» употреблен автором, видимо, не случайно, так как хорошо соответствует характеру восприятия дарвинизма рус-

ской интеллигенцией. Можно вспомнить и слова Достоевского, относящиеся к 1876 г.: «То-то и есть, что у нас ни в чем нет мерки. На западе Дарвинова теория — гениальная гипотеза, а у нас уже давно аксиома» [13, с. 367].

Именно во второй половине XIX в. зародилось популярное в нашей стране высказывание о том, что дарвинизм «обрел в России вторую родину» [18, с. 66; 34, с. 428]. Его генезис проследить сложно, но, вероятно, одним из его источников была речь выдающегося эмбриолога и ученого-эволюциониста А. О. Ковалевского, сказанная им в августе 1883 г. на VII съезде естествоиспытателей и врачей. Согласно Ковалевскому,

Теория Дарвина была с особым сочувствием принята у нас в России. Тогда как в Западной Европе она встретила твердо установленные старые традиции, которые ей пришлось первоначально побороть, у нас её появление совпало с пробуждением нашего общества после Крымской войны, и она сразу получила права гражданства как в научном, так и в общественном мире и до сих пор пользуется общим сочувствием [33, с. 1].

С другой стороны, отторжение теории Дарвина со стороны консервативных мыслителей славянофильского направления было не в последней степени обусловлено тем, что эта концепция воспринималась ими как «пришлая», откровенно «западная», то есть по определению чужеродная на русской почве. Они не разделяли пиетет Писарева перед «великими движениями европейской мысли». Самый известный русский критик Дарвина XIX в., Николай Данилевский, написавший объемный труд «Дарвинизм», высказался по этому поводу вполне определенно и в самом знаменитом своем сочинении — трактате «Россия и Европа». По его мнению, дарвинизм как научная теория есть порождение английского национального ума и характера, которые отличают «любовь к самодеятельности, ко всестороннему развитию личности, индивидуальности, которая проявляется в борьбе со всеми препятствиями... Борьба, свободное соперничество есть жизнь англичанина» [9, с. 116]. Русскому (и шире — славянскому) характеру это чуждо. Уже одно это настраивало Данилевского против эволюционной теории, ведь, как он полагал, «борьба с Западом — единственно спасительное средство... для излечения наших русских культурных недугов» [9, с. 368]. Простое заимствование чужих теорий, таких как дарвинизм, бессмысленно: на русской почве они не приживутся по-настоящему и могут породить только нечто уродливое. Принимать дарвинизм на веру означает поддаться тому «европейничанью», которое Данилевский резко и решительно осуждал. В таком же духе высказывались и близкие Данилевскому мыслители: Достоевский, Страхов, Розанов. Но ни один из них не смог остановить победного шествия дарвиновской теории по России.

Интересно, что, утверждая тесную связь теории Дарвина с английским национальным характером и английской же политической культурой, Данилевский неожиданно смыкается с «классиками марксизма». Советским биологам и философам было хорошо знакома цитата из письма К. Маркса Ф. Энгельсу от 18 июня 1862 г., в которой говорилось, что Дарвин «в среде животных и растений вновь открывает свое английское общество с его разделением труда, конкуренцией, открытием новых рынков <...> и мальтусовской «борьбой

за существование» <...> у Дарвина царство животных представляет собой гражданское общество» (цит. по: 40, с. 175). По-видимому, подобная мысль была довольно широко распространена среди европейских интеллектуалов того времени, включая русских, применявших её уже к своему обществу. П. В. Анненков, в письме И. С. Тургеневу от 22 ноября 1862 г. сообщает: «Я теперь читаю историю русского общества, написанную англичанином Дарвином, под заглавием «Origine des espèces». Прочтите там первые три главы — точно приезжал к нам для изучения законов нашего развития, да как искусный баснописец и олицетворил их под видом зверей и растений» [1, с. 129].

Важно отметить, что в дореволюционную эпоху отношение к дарвинизму подвергалось сравнительно слабому регулированию со стороны государства, по крайней мере в рамках академической и университетской науки. Сочинения Дарвина издавались в России большими тиражами и ни одно из них не было запрещено (хотя попытки такого рода предпринимались духовной цензурой) [20, 24]. Университетские профессора могли беспрепятственно излагать эволюционную теорию в своих лекциях. По словам советского и российского биолога Ю. И. Полянского (1904–1993), выросшего в профессорской семье и хорошо знакомого с университетской жизнью предреволюционной эпохи, «...защищать дарвиновскую теорию эволюции можно было совершенно спокойно. Никто Вас не заставлял обязательно молиться господу богу. Но, конечно, если бы Вы прямо выступили против режима и так далее и тому подобное, вряд ли бы это вызвало одобрение» [23, с. 114]. Не менее характерно высказывание В. В. Розанова, возмущавшегося критикой Данилевского со стороны биолога-эволюциониста А. С. Фаминцына, которую он счел чванной по тону и бессодержательной. «Только правительственной терпимостью (или невежеством?) можно объяснить, что оно [правительство] не прогнало давно метлой всех этих «Фаминцыных» с университетских и академических кафедр, и не позвало на место их таких людей *метода*, как Данилевский» [37, с. 35; курсив автора]. Это высказывание, датированное 1913 г., так и осталось частным мнением философа, не имевшим ровно никаких последствий. Поскольку в университетах сосуществовали как пламенные сторонники дарвинизма (Тимирязев), так и пламенные его отрицатели (Тихомиров), можно сделать вывод, что в предреволюционные годы научные убеждения конкретного преподавателя, включая его отношение к теории эволюции, оставались его частным выбором, на который никто не посягал.

Ситуация довольно сильно изменилась после 1917 г. Пришедшие к власти большевики были сторонниками сциентистского подхода к управлению государством и видели в научном знании мощную силу, безусловно необходимую для построения бесклассового общества и решения социальных проблем [51]. Дарвинизм для новой власти был важен и ценен как источник научных истин, но не менее важен он был и как идеологическое оружие. Очень ценной признавалась его роль в борьбе с религией, а также — наряду с некоторыми другими естественнонаучными теориями — как поставщика фактического материала для диалектического философствования. Маркс полагал, что дарвинизм «даёт естественно-историческую основу для диалектико-материалистической философии» [цит. по: 6, с. 36]. По Ф. Энгельсу, природа есть «подтверждение диалектики» [цит. по: 40, с. 1].

Уже в 1922 г. В. И. Ленин в известной статье «О значении воинствующего материализма» писал, что «... без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания <...> естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом» [27, с. 9–10]. На этой основе был инициирован процесс, получивший у позднейших историков наименование «диалектизации» биологии в Советском Союзе [18]. «Диалектизаторство» предполагало тотальную перестройку мышления советских ученых, отсутствие у них выбора иной философской теории, кроме диалектического (или — в социогуманитарных дисциплинах — исторического) материализма. Подразумевалось, что советский ученый *должен* разделять установки и ценности, диктуемые властью, включая безусловную приверженность той картине мира, которая официально признавалась «единственно научной». Дарвинизм также стал частью канона советской науки, и до некоторых пор все попытки биологов выдвинуть альтернативные эволюционные теории отвергались как «метафизика» и/или «идеалистический бред, прячущий «боженьку» за псевдонаучными формулировками» [12, с. 8]. Именно такая судьба постигла самый серьезный, пожалуй, антидарвинистский проект, возникший на советской почве, — теорию номогенеза Л. С. Берга, — обвиненный в различных философских грехах [38].

Официальная советская риторика была, безусловно, комплиментарна по отношению к Дарвину и его теории, что очень рельефно проявилось в 1932 г., во время празднования дарвиновского юбилея (50-летия со дня смерти). Эта дата отмечалась торжественно, на государственном уровне, сопровождалась выходом обширных статей в центральных газетах («Правда», «Известия»), большим числом публичных лекций и выставок. Помимо пропаганды идей Дарвина, целью этих политических мероприятий было «представить СССР центром мировой науки, где интенсивно развивается дарвинизм на марксистской основе» [19, с. 17].

Несмотря на все сказанное выше, советское восприятие учения великого английского натуралиста вплоть до середины 1960-х гг. характеризовалось ярко выраженной амбивалентностью, что было связано не только с традиционным недоверием к западным теориям. Крайне амбивалентным было отношение к Дарвину и его теории «классиков марксизма», высказывания которых (включая цитаты, взятые из их частной переписки) служили в советскую эпоху мерилom верности той или иной биологической теории. Несмотря на в целом высокую оценку, которую дали дарвинизму Маркс и Энгельс, именно на их труды ссылались при поисках и критике «ошибок» Дарвина [40, с. 164–177], величайшей из которых признавалось принятие Дарвином мальтузианской идеи о перенаселении для объяснения дивергентной эволюции.

В советских условиях традиционная дихотомия Восток (Россия) — Запад (Европа) приобрела новое звучание. После большевистской революции практически вся зарубежная Европа стала враждебной по отношению к Советской России как политически, так и идеологически. Быстро возникло резкое противопоставление двух миров — «буржуазного» и «пролетарского», ставшее

новым «измерением» привычной для русского ума дихотомии между Россией и заграницей. Амбивалентное положение Дарвина и дарвинизма усугубилось тем, что эволюционную теорию Дарвина старались поместить в характерный для советского идеологического дискурса нарратив о России (СССР) как «второй родине дарвинизма» (см. выше), и рассматривать классический дарвинизм как ранний и несовершенный этап развития эволюционной биологии. В этом также опирались на авторитет Энгельса, писавшего в «Анти-Дюринге», что эволюционная теория очень молода, и что «дальнейшие исследования приведут к очень значительному видоизменению теперешних <...> строго дарвинистских представлений о ходе развития видов» [цит. по: 40, с. 174].

В 1930–1940-е гг. дарвинизм часто изображался в СССР как «жертва» искажений и извращений, которому его подвергли «буржуазные» ученые и идеологи, действующие в своих классовых интересах:

...буржуазные профессора извратили учение Дарвина, перенесли представления о формах борьбы за существование животных в человеческое общество, чтобы оправдать угнетательский общественный строй и доказать его «естественность» и «вечность» [39, с. 27].

Советский Союз рассматривался как единственная страна в мире, где возможно не только «очистить» дарвинизм от всевозможных «извращений», но и развить его дальше, подняв на новую высоту путем приведения в соответствие с положениями диалектического материализма. Именно так оказалось возможным «великое восстановление наук»:

Полное развитие дарвинизм получил только в нашей социалистической стране. У нас чтут и любят Дарвина как великого ученого, как мужа науки. В империалистических странах, в США и в Англии, прогрессивное материалистическое ядро учения Дарвина третируют, оно является запретным для преподавания в школах. В нашей стране, в стране прогресса науки, культуры и искусства дарвинизм нашел не просто свою вторую родину, но именно такую родину, где он <...> превращен материалистическим мичуринским учением в подлинную теорию развития органического мира [28, с. 5]

В советской научной литературе и публицистике возникает термин «советский творческий дарвинизм» [36], получивший свое максимальное распространение в 1940–1950-е гг., в период господства в нашей стране так называемой «мичуринской биологии». В заключительном слове на «августовской» сессии ВАСХНИЛ (1948 г.) Т. Д. Лысенко заявил: «ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его» [29]. Таким образом, оценка Лысенко Дарвина и дарвинизма, прозвучавшая в его речи по случаю 70-летия со дня смерти английского ученого, отражала позицию, официально принятую в эти годы:

Величайшей заслугой Дарвина перед естествознанием является то, что он утвердил основные положения научной биологии о взаимосвязях и взаимопереходах органических форм, доказал происхождение одних видов из других. Дарвин показал, что органическая природа развивается, имеет свою историю. Эту сторону теории Дарвина высоко оценили классики марксизма — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин [28, с. 4]

Но было бы неверным относить борьбу за «советский творческий дарвинизм» исключительно к сторонникам Лысенко. В учебнике А. А. Парамонова «Курс дарвинизма» (1945 г.), объявленным в свое время противоречащим мичуринской биологии и изгнанном из университетов и библиотек, можно найти не менее характерные фразы. Автор пишет, что работы советских биологов «пронизаны духом Дарвина, однако, Дарвина, поднятого на новую ступень, соответствующую советской социалистической культуре». И далее: «[е]сли бы мы захотели, таким образом, определить характернейшую черту советского дарвинизма, поднятого социалистической культурой на новую ступень развития, то мы должны были бы признать, что его основная задача хорошо выражается словами Карла Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»» [34, с. 429. Курсив автора].

При этом фигура самого Дарвина в трудах «мичуринцев» обычно оказывалась раздвоенной. Они различали двух Дарвинов: один — «буржуазный» естествоиспытатель, находящийся в плену ложных философских идей (таких, как теория Мальтуса) и постоянно путающийся в своих «ошибках». Другой — Дарвин, открывший миру истину о природе, даже вопреки надетым на себя «мальтузианским очкам». Один из наиболее активных пропагандистов лысенкоизма, Ф. А. Дворянкин, писал: «когда Дарвин возвращается к природе такой, какова она есть, то он «незаметно для себя» опровергает Мальтуса и также «незаметно для себя» опровергает и плоский эволюционизм. И *этого* Дарвина мы ценим высоко» [11, с. 73; курсив автора].

Свою лепту в метаморфозы дарвинизма на русской почве внесла и послевоенная борьба с «космополитизмом», затронувшая практически все области советской науки [41]. Конкретно это выразилось в том, что советские историки науки искали (и находили) «предшественников Дарвина» в собственной стране. Утверждалось, что «[м]атериалистические идеи развития живой природы возникли еще задолго до Ламарка и Дарвина в России. Уже в трудах великого русского ученого М. В. Ломоносова была четко сформулирована мысль о развитии живой природы от низших форм к высшим, от простого к сложному» [42, с. 28]. Русский и советский приоритет едва ли не во всех областях научного знания, кампания за утверждение которого развернулась около 1949 г. [41], заставлял искать собственного «Дарвина» не только в прошлом, но и в настоящем.

Такового нашли в лице скромного провинциального садовода-любителя Ивана Владимировича Мичурина (1855–1935), объявив его величайшим реформатором биологии XX в., поставившим эту науку на подлинно материалистические рельсы и тем самым открывшим новый этап её истории [2, с. 34–39]. Т. Д. Лысенко рассматривался как верный последователь и продолжатель Мичурина, завершивший его дело. Несмотря на то, что по своему содержанию его эволюционная теория была псевдодарвинистической [15, с. 137–139], на словах он и его сторонники всегда признавали свою верность учению Дарвина, фигура которого — при всей идеологически мотивированной критике — не могла быть объявлена фигурой буржуазного ученого, чья теория полностью противоречит марксизму (как это произошло в те годы с фигурами Г. Менделя, Т. Х. Моргана, А. Вейсмана).

В XX в. в советской научной и философской литературе развернулась характерная полемика о соотношении учения Дарвина и марксизма-ленинизма. Спектр мнений колебался от отождествления дарвинизма со «скверной метафизикой», идеализмом [26; 38] и «вульгарным эволюционизмом» [14, с. 35] до признания его как учения, полностью и всецело совместимого с диалектическим материализмом. Классический дарвинизм, в его оригинальной форме, рассматривался многими сторонниками Лысенко как устаревшее учение, которое неприемлемо для науки самой передовой страны в мире. Как писал философствующий ихтиолог Г. В. Никольский, любая эволюционная теория является «... приложением к природе той или иной философской системы, причем даже для своего времени обычно далеко не всегда наиболее прогрессивной». Поэтому Дарвин, в философском отношении зависевший от трудов «материалистов-метафизиков прошлых веков», не сумел разработать подлинно диалектическую концепцию видообразования. Представления Маркса и Энгельса о биологической эволюции «прогрессивнее, богаче содержанием», чем взгляды самого Дарвина [32, с. 732]. Напрашивается сравнение с высказыванием В. Розанова: «философ вправе произнести могучее «veto», перед которым все зоологические кафедры повалятся» [37, с. 35]). Другой ихтиолог, Б. Г. Иоганзен, утверждал, что «дороги назад к Дарвину» уже нет, потому что ему на смену пришел советский творческий дарвинизм, более продвинутый, прогрессивный, сохранивший все передовое, что было в классическом дарвинизме, и очищенный от его заблуждений [16, с. 8].

История «мичуринской биологии» в СССР в целом завершилась в конце 1964 г., когда, вместе со снятием Н. С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС, Лысенко был удален со всех сколько-нибудь значимых позиций, которые он занимал в руководстве советской сельскохозяйственной наукой [29, 53, 54]. Научные дискуссии по проблемам эволюционной теории стали свободными от идеологического диктата, а советская философская дискуссия о соотношении дарвинизма и марксизма к середине 1980-х гг. завершилась признанием дарвинизма как «величайшего учения, послужившего одной из естественно-научных основ становления и развития диалектико-материалистической философии» [6, с. 43].

Анализ современных дебатов о Дарвине и дарвинизме в нашей стране выходит за рамки данной статьи. В заключение отметим лишь, что, невзирая на всю амбивалентность отношения к Дарвину и дарвинизму на отечественной почве, в дореволюционной России, а затем в СССР, был внесен весьма существенный вклад в развитие эволюционной теории. Споры вокруг теории естественного отбора, имевшие место в конце XIX — первой половине XX в., около 1942 г. завершились созданием «синтетической теории эволюции» (СТЭ), которая по праву была названа «Дарвинизм в XX веке» [30]. Хотя основополагающие труды, положившие начало СТЭ, были опубликованы преимущественно на английском языке [43, 49, 57], значение отечественных биологов как «архитекторов» эволюционного синтеза в настоящее время общепризнано [22]. Этому способствовали как оригинальные исследования русских эволюционистов и генетиков (С. С. Четвериков, Н. И. Вавилов, И. И. Шмальгаузен, Н. В. Тимофеев-Ресовский и др.), так и эмигрировавшие из России на Запад

биологи, в первую очередь Феодосий Григорьевич Добжанский (1900–1973), сыгравший ключевую роль в создании СТЭ [22, 56] и способствовавший ее развитию в СССР [52].

Историко-научное исследование деятельности Добжанского и его соотечественников — эволюционистов и генетиков — убедительно доказывает, что расхожее выражение о России как «второй родине дарвинизма» следует рассматривать не только как достаточно распространенный и лестный для национального чувства штамп, но как достоверный факт и выверенное заключение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. — СПб.: Наука, 2005. — Т. 1.
2. Белкин Р. И. Творцы основных направлений советской биологической науки // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. — 1949. — Т. 54, № 6. — С. 27–68.
3. Бердяев Н. А. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 г.). — СПб: М. В. Пирожков, 1907.
4. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990.
5. Галл Я.М., Конашев М. Б. Теория эволюции Ч. Дарвина: прошлое и настоящее. К 150-летию выхода в свет книги «Происхождение видов» // Биология в школе. — 2010. — № 7. — С. 3–12.
6. Георгиевский А.Б., Колчинский Э. И. Дарвинизм и диалектический материализм // Философские науки. — 1985. — № 1. — С. 36–43.
7. Георгиевский А.Б., Хахина Л. Н. Развитие эволюционной теории в России. — СПб.: Б. и., 1996.
8. Давыдов К.Н. А. О. Ковалевский как человек и как ученый (воспоминания ученика) // Из истории биологических наук. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — Вып. 6. — С. 326–363.
9. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — СПб: Глаголь; Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1995.
10. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. — СПб: Наука, 2001.
11. Дворянкин Ф. А. За дарвинизм в теории видообразования // Селекция и семеноводство. — 1953. — № 2. — С. 68–76.
12. Дворянкин Ф. А. Теория происхождения видов и отбор // Вопросы мичуринской биологии. — М.: Учпедгиз, 1953. — Вып. 3. С. 5–53.
13. Достоевский Ф. М. Дневник писателя в двух томах. — М.: Книжный клуб 36.6, 2011. Т. 1.
14. Завадский К. М. Критика эволюционизма и трансформизма в свете ленинско-сталинского учения о развитии // Вестник ЛГУ. — 1949. — № 12. — С. 28–53.
15. Завадский К. М. Вид и видообразование. — Л.: Наука, 1968.
16. Иоганзен Б.Г. О соответствии видовой формы животных условиям жизни // Дискуссия по проблеме вида и видообразования. — Томск: Изд-во ТГУ, 1956. — С. 7–40.
17. Козо-Полянский Б. М. Последнее слово антидарвинизма. — Краснодар: Буревестник, 1923.

18. Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х — начале 30-х гг.). — СПб: Дмитрий Буланин, 1999.
19. Колчинский Э. И. Советские юбилеи Дарвина и лысенкоизм // Историко-биологические исследования. — 2015. — Т. 7, № 2. — С. 10–52.
20. Конашев М. Б. Чарльз Дарвин и цензура в России и Англии в XIX веке // Цензура и доступ к информации: история и современность. Тезисы докладов международной научной конференции. — СПб.: Изд-во «РНБ», 2005. — С. 31–32.
21. Конашев М. Б. Ф. Г. Добржанский о восприятии дарвинизма в России и формировании предпосылок «синтетической теории эволюции» // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2009. — М.: Анонс Медиа, 2010. — С. 675–678.
22. Конашев М.Б. Ф. Г. Добржанский и эволюционный синтез // Создатели современного эволюционного синтеза: коллективная монография / отв. ред.-сост. Э. И. Колчинский. — СПб. Нестор-История, 2012. — С. 205–261.
23. Конашев М.Б. «По моему стариковскому идеалистическому мировоззрению». Беседа с Ю. И. Полянским // На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX века. — СПб.: Нестор-История, 2005. — Вып. 3. — С. 111–123.
24. Конашев М.Б., Полевой А. В., Ретунская С. В. Библиография трудов Ч. Дарвина на русском языке, поступивших в 1860–2008 гг. в российские библиотеки // Историко-биологические исследования. — 2009. — Т. 1, № 1. — С. 161–165.
25. Кругликова О. С. Эволюционная теория Дарвина в отражении русской консервативной и либеральной прессы второй половины XIX в. // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. — 2018. — № 5. — С. 101–118.
26. Крыжановский С. Г. Теоретические основы эмбриологии // Успехи современной биологии. — 1950. — Т. 30, № 3. — С. 382–413.
27. Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Под знаменем марксизма. — 1922. — № 3. — С. 5–12.
28. Лысенко Т. Д. Речь на заседании, посвященном 70-летию со дня смерти Ч. Дарвина // Известия АН СССР, серия биологическая. — 1952. — № 3. — С. 4–5.
29. Медведев Ж. А. Взлет и падение Т. Д. Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). — М.: Книга, 1993.
30. Медников Б. М. Дарвинизм в XX веке. — М.: Советская Россия, 1975.
31. Могильнер М. Номо imperii: История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). — М.: НЛО, 2008.
32. Никольский Г. В. Об изменчивости организмов // Зоологический журнал. — 1955. — Т. 34, № 4. — С. 723–733.
33. Памяти Дарвина. — М.: Научное слово, 1910.
34. Парамонов А. А. Курс дарвинизма. — М.: Советская наука, 1945.
35. Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. — М.: Наука, 2003. — Т. 6.
36. Президент И. И. Советский творческий дарвинизм // Агробиология. — 1947. — № 6. — С. 3–29.
37. Розанов В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев. — М.: Республика, 2001.
38. Сарабьянов В. Н. Назревший вопрос // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. — М.: Политиздат, 1990. — С. 259–276.
39. Смирнов К. С. Очерки о животных. — М.-Л.: ОНТИ, Главная редакция научно-популярной и юношеской литературы, 1937.

40. Соколов Б. М. Вопросы морфологии в трудах Маркса, Энгельса, Ленина. — Пермь: Пермский государственный медицинский институт, 1934.
41. Сонин А. С. Борьба с космополитизмом в советской науке. — М.: Наука, 2011.
42. Трошин Д. М. Значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для биологической науки. — М.: Культпросветиздат, 1952.
43. Dobzhansky Th. *Genetics and the Origin of Species*. — New York: Columbia University Press, 1937.
44. Ellegård A. *Darwin and the general reader*. — Chicago-London: The University of Chicago Press, 1990.
45. Engels E.-M., Glick T. F. (eds.) *The Reception of Charles Darwin in Europe*. — London-New York: Continuum. Vols. 1–2.
46. Glick T.F. (ed.). *The comparative reception of Darwinism*. — Chicago-London: The University of Chicago Press, 1988.
47. Glick T.F., Schaffer E. (eds.) *The Reception of Charles Darwin in Europe*. — London-New York: Continuum. Vols. 3–4.
48. Hull D. L. *Science as process: An evolutionary account of the social and conceptual development of science*. — Chicago-London: The University of Chicago Press, 1988.
49. Huxley J. *Evolution: The Modern Synthesis*. — London: Allen & Unwin, 1942.
50. Kohler M., Kohler C. *The Origin of Species as a book* // Ruse M., Richards R. J., editors. *The Cambridge Companion to the «Origin of Species»*. — Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2009. — pp. 333–351.
51. Kojevnikov A. *The phenomenon of Soviet science* // *Osiris*, second series. — 2008. — V. 23. — P. 115–135.
52. Konashev M. B. Th. Dobzhansky and the Development of Evolutionary Biology in the USSR // *History of Science*. — 2019. — V. 57, № 3. — P. 346–371.
53. Konashev M. B. Lysenko Up Close but Afar or Focus on Lysenkoism from the 21st Century // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. — 2019. — V. 89, № 3. P. 303–309.
54. Konashev M. B. Soviet genetics and the communist party: was it all bad and wrong, or none at all? // *History and Philosophy of Life Sciences*. — 2020. V. 42, № 2. P. 1–19.
55. Konashev M. B. Darwin's «On the Origin of Species» in Russia and in the USSR: some aspects of translation and publication // *Studia Historiae Scientiarum*. — 2021. — Vol. 20, No. 4. —P. 285–315.
56. Konashev M. B. The Russian Backdrop to Dobzhansky's *Genetics and the Origin of Species* // *Journal of the History of Biology*. — 2023. V. 56. — P. 285–307.
57. Mayr E. *Systematics and the Origin of Species*. — New York: Columbia University Press, 1942.
58. Numbers L.R., Stonehouse J., eds. *Disseminating Darwinism: The role of place, race, religion, and gender*. — Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2001.